

16. Peshtich S.L. Russkaya istoriografiya XVIII veka. L., 1965. Ch. 2.
17. Popovskiy N.N. Opyt o cheloveke gospodina Popa. M., 1787.
18. Radishchev A.N. Izbrannye sochineniya. M., 1949.
19. Rechi, proiznesennye v torzhestvennykh sobraniyakh Moskovskogo universiteta russkimi professorami onogo. M., 1819. Ch. 1.
20. Rubinshteyn N.L. Russkaya istoriografiya. M., 1941.
21. Tatishchev V.N. Izbrannye proizvedeniya. L., 1979.
22. Tatishchev V.N. Istoriya Rossiyskaya. M.; L., 1964. T. 1.
23. Tatishchev V.N. Istoriya Rossiyskaya. M.; L., 1968. T. 7.
24. Chicherin B.N. Istoriya politicheskikh ucheniy. M., 1872. Ch. 2.
25. Shirinyants A.A. A.N. Radishchev i politicheskaya kultura intelligentsii Rossii XIX-nachala XX vv. // Istorieskoe obrazovanie. 2014. № 1. S. 90–108.
26. Shirinyants A.A. Nigilizm ili konservatizm? (Russkaya intelligentsiya v istorii politiki i mysli). M., 2011.
27. Shkurinov P.S. Filosofiya v Rossii XVIII veka. M., 1992.
28. Shcherbatov M.M. Izbrannye trudy. M., 2010.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ У СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В 30-е–50-е гг. XIX в.

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
Россия, Республика Дагестан, 367030, г. Махачкала, ул. Ярагского, 34
E-mail: daniyal2006@rambler.ru

По мере продвижения России на Северный Кавказ развивались торгово-экономические отношения между местными народами и русскими. Российское правительство рассматривало торговлю и как средство сближения северокавказских народов с русским населением, мирного подчинения первых. По мере заселения и экономического освоения региона, край втягивался в систему всероссийского рынка.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, города, народы, торговля, ярмарка, базар, товар, проект, транзит, соль

THE DEVELOPMENT OF TRADE AMONG THE NORTH CAUCASIAN PEOPLES IN THE 30–50-ies. XIX c.

Kidirniyazov Daniyal S., Ph.D. (History), Professor
Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center, RAS
34 Yaragskogo Str., Makhachkala, 367030, Republic of Dagestan, Russia
E-mail: daniyal2006@rambler.ru

As we move to the North Caucasus Russia to develop trade and economic relations between indigenous peoples and Russian. The Russian government sees trade as a means of rapprochement of the peoples of the North Caucasus with the Russian population, the peace of the first submission. As the settlement and economic development of the region, drawn into the edge in the all-Russian market.

Keywords: Russia, the Caucasus, city, people, trade, fair, market, product, project, transit, salt

В рассматриваемое время, несмотря на трудности военного времени, торговля между народами Северного Кавказа и Россией не прекращалась. Хотя, в первые годы военных действий торговля Дагестана с народами Северного Кавказа пала [11, с. 19].

Следует указать, что главным товаром чеченцев являлся хлеб, который сбывался ими в значительном количестве в Нагорном Дагестане, в частности в Ботлихе, Анди и ногайцам. Со своей стороны жители Нагорного Дагестана обменивали вайнахам фрукты на мясо и хлеб. Чеченцы, со своей стороны, продавали через андийцев тонкие и легкие чеберлоевские бурки, которые ценились у дагестанских и у других соседних народов [1, с. 242].

Немало сведений о торговых людях из Кабарды в Дагестане встречаются в архивных делах. Также упоминаются в документах и о торговых караванах торговцев из Дагестана в Центральный и Северо-Западный Кавказ. Так, например, в обращении к российской администрации эндириевских владельцев отмечается: «наши люди, сообразно своим состояниям, покупали баранов ... и возвращались из Черкеса» [22, ф. 379, оп. 1, д. 5, л. 95–106].

Одной из важных статей дагестано-адыгских торговых отношений являлись кабардинские скакуны. Даже на временный запрет российских властей на продажу лошадей в регионе, «тайные прогоны лошадей» из Кабарды в Дагестан происходили нередко.

Одним из наиболее развитых и удобных для торгово-экономических отношений Дагестана с северокавказскими народами являлась Засулакская Кумыкия, куда съезжались представители со всего Северного Кавказа для торговых операций. Здесь исторически существовали такие крупные торговые центры, как Эндирей, Тарки, Аксай, Костек и др., находившиеся

на выгодной трассе прикаспийского торгового пути. Здесь регулярно собирались базары, где шла оживленная бойкая торговля местного населения с персидскими, азербайджанскими, грузинскими, армянскими, русскими, крымскими и северокавказскими купцами [16, с. 159].

В торговых связях с Кизляром значительной была роль с. Эндирей. Здесь существовал большой базар, куда приезжали кизлярские и другие русские, армянские купцы, привлекая своим товаром «всегдашнее стечение соседственных горцев» [17, с. 22–74].

С 1848 по 1852 г. Кизляр посетили около 75 тыс. жителей Дагестана и Северного Кавказа, которые привезли сюда на продажу товаров на сумму 461168 руб. и приобрели продукты на сумму 489022 руб. [13, с. 285].

Следует отметить, что в торговле народов Северного Кавказа с Центральной Россией все больше возрастала роль Астрахани. Этому способствовало установление регулярного морского сообщения между Астраханью и Кизляром, Дербентом, а с 50-х гг. XIX в. – и с Порт-Петровском, в результате чего сокращалось время и удешевлялось стоимость товаров и особенно тяжеловесных грузов.

Дагестанская марена сбывалась в Астрахани, Нижнем Новгороде, Казани и в Москве. В 1845 г. вывозилось более 80750 пуд. марены, а в 1860 г. – более 134980 пуд. Мареноводство развивалось также и в Притеречных районах. Только в 1839 г. жителями Кизляра и прилегающих сел собрано было марены 1065 пуд. [20, с. 85].

В 30-е гг. XIX в. доставка 1 пуда груза марены из Дербента в Астрахань обходилась от 1 руб. 40 коп. до 2 руб., в то время как стоимость доставки по суше колебалась от 3 руб. до 3 руб. 20 коп., не считая многочисленных пошлин (рахтаров), взимавшихся по пути следования [18, с. 182–183].

Большое место в торговле продолжал занимать скот, значительная часть которого продавалась в центральные губернии России. Народы региона, в частности, ногайцы были основными поставщиками живого скота и продуктов животноводства не только для многих районов Северного Кавказа, но и внутренних губерний России [22, ф. 350, оп. 1, д. 100, л. 1].

Следует отметить, что торговля народов Северного Кавказа с Кизляром, через него с Россией в исследуемый период продолжала оставаться жизненно необходимой. Так, в 1849 г. из Кизляра во внутренние губернии страны через Астрахань (сухопутным путем) было вывезено товаров на сумму 287000 руб., а морем, через Шандруковскую пристань – на 716734 руб.

Следует отметить, что своей ролью в торговых отношениях народов Северного Кавказа и промышленными регионами России Кизляр был обязан тому, что внутри дагестанского побережья не было больше портовых сооружений и естественных гаваней для стоянки и укрытия судов [14, с. 53].

В середине XIX в. между Кизляром и Астраханью была проложена сухопутная дорога вдоль западного побережья Каспия, протяженностью в 315 версту. Перевозку товаров от Кизляра до Астрахани и обратно, а также «почтовую гоньбу» выполняли ногайцы. Обычно в Астрахани у Кизлярской пристани северокавказские возчики ожидали товары с Нижегородской ярмарки, от Астрахани их везли в Кизляр, а часто и дальше вглубь, во все территории Северного Кавказа [4, с. 127–128].

Ввоз товара в Кизляр осуществлялся и по морю. Ещё при основании Кизляра, для его сообщения с Каспийским морем в устье самого южного рукава Терека в 50 верстах от города был возведен Долобинский фельдшанец, ставший складочным пунктом товаров, поступавших в Кизляр морским путем [22, ф. 379, оп. 1, д. 29, л. 82; д. 44, л. 73].

На левом фланге Кавказской линии «самая деятельная меновая торговля» шла в Кизляре, где привозные товары в 1848 г. оценивались в 70 тыс. руб. серебром, в ст. Червленной – более чем в 31 тыс., Известнобродской и Пятигорской – в 23 тыс. руб. и т.д. [6, № 11]

Особенно активное участие в ярмарочной торговле в русских городах, селах и станицах принимало местное население. Весной 1834 г. в Георгиевск было пригнано 1270 лошадей, 1400 овец. В 1847–1848 гг. на ярмарки Ставрополя кумыки, ногайцы и кабардинцы пригоняли на 40 тыс. руб. лошадей и крупного рогатого скота [7, ф. 444, оп. 1, д. 54, л. 18–19].

Основной формой торговли здесь была ярмарочная. Три раза в год проводились ярмарки в Екатеринодаре (Благовещенская, Покровская, Троицкая). Кроме того, ярмарки на Кубани проводились в различных станицах, по очереди, создавая, таким образом, непрерывный торг, не прекращая свою работу круглый год. В 1858 г. на станичные ярмарки было привезено товаров на 390 тыс. руб.

С 1843 по 1858 г. на всех ярмарках Кубани стоимость проданных товаров возросла с 394 тыс. до 984 тыс. руб. [7, ф. 444, оп. 1, д. 54, л. 222]. На этих ярмарках было очень много крупного рогатого скота, лошадей, овец. Его закупали купцы из центральных губерний России. Чистая прибыль от проданного скота ежегодно составляла более 223 тыс. руб. Вывози-

лось также во внутренние регионы страны много сырья: ежегодно до 10410 кож на сумму до 21 тыс. руб. Так, в 1838 г. было продано 29488 пуд. овечьей шерсти на сумму 179 тыс. руб. серебром [7, ф. 444, оп. 1, д. 1599, л. 22, 23].

Развитие товарно-денежных отношений всё больше втягивало местное население в общероссийскую экономику. И хотя шла Кавказская война и было невероятно много препятствий к экономическому общению народов региона с русскими, в их жизни происходили огромные перемены. Стремление приобрести российскую монету стало весьма заметным явлением в жизни большинства жителей края. В 1839 г. ген. Пулло писал из Чечни, что ежегодно 40 тыс. горцев приходило на Сунженскую линию для продажи своих продуктов и «звонкая монета усиливалась в обращении». Другой русский офицер в это же время указывал, что народы Северо-Западного Кавказа «узнали теперь цену деньгам и потому охотнее продают свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров» [21, с. 153].

По мере заселения и экономического освоения Черноморья, как и другие районы региона, постепенно втягивалась в систему всероссийского рынка. В середине XIX в. в «Черноморском торговом обществе» насчитывалось 114 купцов. Иногородних купцов, производивших торг на Кубани, было около 3 тыс. человек. Приезжали они из разных городов России, закупая скот, шерсть, кожу и др. товары.

Слабостью рыночных связей и путей сообщения Северного Кавказа с Центральной Россией в дореформенный период объясняется ярмарочной торговлей. Особое место в городской жизнедеятельности занимала торговля. В 1854 г. в Ставропольской губернии было 20 ярмарок, из них 12 в казенных селах. На Северо-Восточном Кавказе наиболее крупной была ярмарка в ст. Наурской. В 1834 г. здесь общий оборот составил 27370 руб. [8, с. 70]. Много товаров осталось не проданным. Дело в том, что покупательная способность местного населения продолжала оставаться низкой.

Необходимо отметить, что многие ярмарки во всех основных регионах России по срокам их проведения и передвижению товаров и купцов действовали в определенном порядке, по принципу круга или цепи. Например, такая цепь ярмарок существовала в Предкавказье между главными торговыми центрами края: Екатеринодаром, Ставрополем, Александровском, Георгиевском, Моздоком и Кизляром. Наличие такого определенного порядка в проведении ярмарок давала возможность купечеству последовательно быть на многих из них и «одновременно поддерживать оживленные торговые отношения с обеими столицами, с волжскими городами и «Макарием», с новороссийскими и украинскими ярмарками, Астраханью и с заграницей» [8, с. 225].

Необходимо подчеркнуть, что российские власти рассматривали торговлю и как средство сближения местных народов с русскими, мирного подчинения первых. В то же время они ревниво оберегали торговую монополию в Кизляре, что естественно мешало частой встрече торгующих, и их сближению. Но сила экономического развития, приводившая ко все большему расширению меновых операций, развитию товарно-денежных отношений неуклонно толкала местных жителей на рынок, заставляя их изобретать всякие способы преодоления различных барьеров и преград на этом пути.

В 1845 г. наместник царя на Кавказе М.С. Воронцов представил российскому правительству проект расширения меновой торговли с народами Северного Кавказа. Согласно проекту 1845 г. некоторые меновые дворы должны были быть перенесены из небольших постов кордонных линий в города – Моздок, Кизляр, что дало бы возможность привлечь к торговле с местными народами русских купцов [19, ф. 1268, оп. 2, д. 782-а, л. 59].

Несмотря на возражения некоторых российских чиновников, считавших, что торговля с кавказскими народами не может иметь «благодетельных последствий», царь Николай I 9 февраля 1846 г. издал новое «Положение» о меновой торговле.

После издания нового «Положения» о меновой торговле, возле кордонных укреплений стихийно возникал меновой торг, который со временем приобретал форму регулярно действовавших базаров [7, ф. 87, оп. 1, д. 43, л. 47].

В 1847 г. были открыты новые меновые дворы, в том числе, при Амир-Аджиуртовской карантинной заставе. Нуждаясь в соли и промышленных товарах, народы Северного Кавказа вынуждены были покупать на меновых дворах почти всё необходимое и за дорогую цену. Произвол царских чиновников на меновых дворах и карантинных заставах лишал жителей края права свободно продавать продукты своего хозяйства и покупать на меновых дворах промышленные товары. Только за 3 месяца 1847 г. на Амир-Аджиуртовском меновом дворе было продано северокавказскими народами ружей, пистолетов, кинжалов, оружия, замков ружейных на 8445 руб. В 1848 г. они, кроме оружия, продали здесь крупный рогатый скот, лошадей, овец, шкуры диких зверей, кустарные изделия из меди и железа – кувшины, ножи, ножницы, паласы, ковры, пшеницу, просо, ячмень, муку, рис, крупы. За 1848–1849 гг. мест-

ными народами на Амир-Аджиуртовском меновом дворе было продано товаров на сумму более 31 тыс. руб. серебром, а куплено на 200 тыс. руб. [14, с. 65].

В 1851 г. на Червленский меновый двор народы Северного Кавказа привезли крупный рогатый скот, лошадей, овец, коровье масло, говяжье и баранье сало, кожи, овчины, овечью и верблюжью шерсть, воск, шкуры диких зверей: куньи, лисьи, волчьи и др. Жители региона привозили сюда также строевой лес, колья для виноградников, дрова, жерди, ремесленные изделия (арбы, шубы овчинные, бурки, ружейные чехлы, местное сукно, пистолеты, ружья, кинжалы, кувшины и др.). В 1851 г. населением края здесь было продано 790 пуд. коровьего масла, 5830 воловьих кож, 2865 выделанных и необработанных козловых шкур, 2684 лисьих и др. шкур.

Червленский меновый двор являлся связующим звеном между народами Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды и терскими станицами [9, с. 56–57].

А за период с 1847 по 1853 г. в Моздоке была зарегистрирована продажа арб и частей к ним на общую сумму около 29,5 тыс. руб. серебром. Кроме того, в большом количестве вывозились через Моздок изделия из шерсти, в частности сукно местного производства, бурки, ноговицы. Специально для продажи изготавливались деревянные плуги с железным лемехом. В 1852–1853 гг. через Моздок проследовало 166 арб с деревянными плугами на сумму в 664 руб. [14, с. 66].

Следует отметить, что по мере развития экономики в России стало ясно, что Предкавказье будет играть важную роль в деле включения Кавказа в систему всероссийского рынка. Российские власти, признав этот факт, пошли на создание некоторых благоприятных условий в этом направлении. Так, царь Александр II своим указом от 7 июня 1857 г. упразднил таможенную линию по Тереку и Кубани. В этом постановлении, в частности, отмечалось, что «внутренние таможенные линии всегда вредны для промышленности и крайне затрудняют внутренние сношения» [19, ф. 1268, оп. 9, д. 54, л. 27].

Естественно, упразднение этой таможенной линии должно было способствовать развитию торгово-экономических взаимоотношений между народами Северного Кавказа между собой и Россией. Необходимо подчеркнуть, что в полной мере это решение сказалось немного позднее, в пореформенный период.

Несмотря на то, что в той части Дагестана, Чечни, Адыгеи, а также Северного Кавказа, где население не было вовлечено в народно-освободительное движение 20–60-х гг. XIX в., имело место некоторое оживление торговли, все же до конца 30-х гг. XIX в. она не получила большого развития. «Торги здешние не знатны», – писал С. Броневский о торговле в Дербенте [5, с. 224].

В ноябре 1837 г. российские власти на Кавказе решили полностью прекратить отпуск соли народам региона. Эта мера была направлена против «немирных» жителей края, перекупавших соль у своих родственников, которые могли приобретать её на Кавказской линии в неограниченном количестве. Введенное ограничение военным командованием лишь вызвало недовольство и 30 сентября 1842 г. было отменено, так как местное население приобретало соль у казаков, причем на более выгодных условиях [15, с. 241].

Следует отметить, что торговля и оборот от неё имели настолько ощутимый удельный вес, что командующий войсками в регионе Ключи фон Клюгенау предлагал в 1841 г. для покорения горцев завладеть торговлей, которая шла по крупной коммерческой артерии из Кюры и Нухи в Чечню по Аварскому Койсу [23, с. 102].

В годы Кавказской войны, в 1841 г. военными властями были арестованы андалаяльские купцы, находящиеся по торговым делам в различных торгово-экономических центрах Кавказского края. Таких торговцев было арестовано около 4 тыс., каждый являлся «поверенным от 3–4 человек, вручивших ему свои капиталы». Таким образом, задетых арестом торговых людей насчитывалось до полутора тысяч [23, с. 102].

Необходимо указать, что методом Ключи фон Клюгенау военное командование в регионе пользовалось нередко. Командование войсками прибегало обычно, когда ему нужно было принудить повстанцев выполнить, то или иное требование. В таких случаях российская администрация грозила закрыть торговые пути, прекратить сношения с российскими «базарными и хлебными областями». И мера эта, естественно, отзывалась потоком заявлений со стороны «строптивных» обществ Нагорного Дагестана с изъявлением покорности и с просьбами дать им разрешение на торговлю [2, т. 1, с. 657].

Следует отметить, что жители Нагорного Дагестана вынуждены были искать выход из сложившейся ситуации, как-то приспособиться, чтобы не прекращать жизненно им необходимый товарооборот с российскими городами, селами и станицами Кавказской линии [10, с. 37].

Разумеется, такие жесткие меры кавказского командования отрицательно сказывались на положении жителей Нагорного Дагестана.

Особенно страдали от запретов на торговлю жители горной части Чечни. Чеченцы не могли выезжать за пределы территории, к ним не пропускали других торговцев, хотя вайнахи были кровно заинтересованы в торгово-экономических связях с жителями Дагестана, Северного Кавказа и Россией. В результате этого население горной зоны Дагестана и Чечни вынуждены были втридорога платить посредникам за товар, доставляемый тайно к ним [12, с. 400].

С середины XIX в. транзитные торговые пути стали проходить через порты и пристани на Каспийском, Черном и Азовском морях.

Следует указать, что большую роль в этом сыграли русские города и крепости, где местные жители и русские встречались во время торговых операций.

Мы видим, что усиливается роль меновых дворов в развитии ремесел местного населения. В этой связи отметим, что на наш взгляд, несколько односторонне встречающиеся в литературе суждения о том, что широкое развитие производства оружия в крае в первой половине XIX в. было связано с событиями Кавказской войны [3, с. 42, 43]. Напротив, расширение оружейного дела связано с вовлечением региона во всероссийский рынок через меновые дворы.

Таким образом, население русских городов Северного Кавказа нуждалось в продуктах местных жителей, а народы края – в российских промышленных товарах первой необходимости. В расширении российской торговли на Северном Кавказе власти видели средство для распространения своего политического влияния в районе Черного и Каспийского морей.

В период Кавказской войны, некоторые представители военной администрации на Кавказе, например, командир Черноморской береговой линии ген. Н.Н. Раевский, ратовали за расширение торговли с народами региона, руководствуясь желанием заменить «пагубные военные действия» мирным сотрудничеством с местным населением в целях «насаждения гражданского благоустройства» [19, ф. 1268, оп. 1, д. 134, ч. 3-а, л. 11]. К сожалению, подобные рассуждения часто не находили сочувствия у правящих кругов России. Большинство высших чиновников России разделяло мнение начальника Кавказской линии ген. П. Граббе, который считал, что «миролюбивые сношения» с жителями края только «сделали их более дерзкими» и «уронили достоинство» российских властей на Северном Кавказе (2, т. 9, с. 248, 251).

Необходимо указать, что несмотря на все эти ограничения торгово-экономическая жизнь Северного Кавказа неуклонно развивалась. Так, например, в 1856 г. командир карабинерского Эриванского полка де-Саже отмечал, что «кто посещает Кавказ – с приездом в Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск, Владикавказ, Грузию и проч., – видит города, оживленные торговлей и русской жизнью» [2, т. 11, с. 449].

Список литературы

1. Абдулвахабова Б.Б.-А. Одежда и украшения // Чеченцы / отв. ред. Л.Т.Соловьева, В.А.Тишков, З.И.Хасбулатова. М.: Наука, 2012.
2. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1866. Т. 1; 1884. Т. 9; 1888. Т. 11.
3. Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного дела производства на Кавказе в XIX – начале XX в. М., 1977. Ч. 1.
4. Астрахань и Астраханская губерния. М., 1852.
5. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1.
6. Газ. «Кавказ». 1847.
7. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 43; Ф. 444. Оп. 1. Д. 54; Д. 1599.
8. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды ЧИНИЯЛ. Т. 4. Грозный, 1961.
9. Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975.
10. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Махачкала, 1959.
11. Заболоцкий П. Путевые заметки из Астрахани в Баку // ЖМВД. Ч. 29. СПб., 1839.
12. История Чечни. Грозный, 2008. Т. 1.
13. Кавказский календарь на 1853 год. Тифлис, 1852.
14. Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII-XIX вв. Махачкала, 2010.
15. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002.
16. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957.
17. Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.
18. Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. М., 1836. Ч. 1.
19. РГИА СПб. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 134. Ч. 3-а; Оп. 2. Д. 782-а; Оп. 9. Д. 54.
20. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.
21. Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период // История СССР. М., 1957. № 1.
22. ЦГА РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 100; Ф. 379. Оп. 1. Д. 5, Д. 29; Д. 44.
23. Хашаев Х.О. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959.

References

1. Abdulyahabova B.B.-A. Clothing and accessories // Chechens / hole. Ed. L.T.Soloveva, VA Tishkov, Z.I.Hasbulatova. Moscow: Nauka, 2012.
2. Acts Caucasian Archaeological Commission. Tiflis, 1866. Volume 1; T. 1884. 9; 1888. T. 11.
3. Astvatsaturyan E.G. The history of weapons and silverware of production in the Caucasus in the XIX - early XX century. M., 1977. Part 1.
4. Astrakhan and Astrakhan Province. M., 1852.
5. Bronevsky S. latest geographical and historical news of the Caucasus. M., 1823. Part 1.
6. Gas. «Caucasus». 1847.
7. GASK. F. 87. Op. 1. D. 43; F. 444. Op. 1. D. 54; D. 1599.
8. Gritsenko N.P. Socio-economic development Priterechnyh areas in XVIII - first half of XIX century. // Proceedings CHINIYAL. 4. Terrible T. 1961.
9. Gritsenko N.P. The origins of friendship. Terrible, 1975.
10. The movement of the mountaineers of the North-Eastern Caucasus in 20-50-ies. XIX century. Makhachkala, 1959.
11. Zabolotski P. Travelogue from Astrakhan to Baku // ZHMVD. Ch 29. SPb., 1839.
12. The history of Chechnya. Terrible, 2008. T. 1.
13. Caucasian calendar for 1853. Tiflis, 1852.
14. Kidirniyazov D.S. Economic and cultural ties Nogai Northeast Caucasus with the neighboring nations in the XVIII-XIX centuries. Makhachkala 2010.
15. Klychnikov J.J. Russian policy in the North Caucasus (1827-1840 gg.). Pyatigorsk 2002.
16. Magomedov R.M. Socio-economic and political system of Dagestan in the XVIII - early XIX century. Makhachkala 1957.
17. Nakhshun I.R. Economic Consequences of Dagestan to Russia. Makhachkala, 1956.
18. Outlook for the Caucasus Russian possessions in the statistical, ethnographic, topographical and financially. M., 1836. Part 1.
19. RSHA SPB. F. 1268. Op. 1. D. 134. Part 3-a; Op. 2. AD 782-a; Op. 9. D. 54.
20. Fadeev A.V. Essays on the economic development of the steppe Ciscaucasia in the pre-reform period. Moscow, 1957.
21. Fadeev A.V. Economic ties with the Russian North Caucasus in the pre-reform period // History of the USSR. M., 1957. № 1.
22. CSA RD. F. 350. Op. 1. D. 100; F. 379. Op. 1. S.5, AD 29; D. 44.
23. Khashaev H.O. Employment of the population of Dagestan in XIX century. Makhachkala, 1959.